

**«Слово о житии и о преставлении великого князя
Дмитрия Ивановича, царя Русьского»**

«Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», дошедшее до нас в составе летописных сводов, состоит из пространной некрологической похвалы и предшествующей ей исторической части, повествующей о жизни князя, его победах над татарами и особенно подробно о наставлениях, данных им перед смертью сыновьям, княгине и боярам, о завещании и разделе «своея вотчины». Исторические факты из жизни князя сопровождаются панегирическими тирадами о его христианских добродетелях, его выдающихся полководческих достоинствах и т. д. Прославлению князя служит и интимно-лирический «плач княгини Евдокии».

Старейшие тексты «Слова о житии» содержатся в Новгородской IV и Софийской I летописях под 6897 (1389) г. Тексты «Слова о житии» в обеих летописях идентичны, за исключением отдельных чтений и отрывка — средней части похвалы («Пчелы ни чимь же хужьше... луча испущая и вся съгрея»), читающегося только в Новгородской IV летописи. Наблюдения над текстом «Слова о житии» показывают, что эта средняя часть похвалы должна была находиться в первоначальном варианте памятника: в Софийской I летописи в одной фразе объединены выражения, одно из которых в Новгородской IV летописи предшествовало похвале, а другое являлось концом похвалы.¹ Очевидно, вариант «Слова о житии» Новгородской IV летописи содержался во всяком случае и в так называемом «своде 1448 года», к которому восходили Новгородская IV и Софийская I летописи.²

Переходя из свода в свод, текст «Слова о житии» претерпевал постоянные изменения: в одних летописях его сокращали, в других, сокращая, дополняли по другим источникам.³

Обе редакции Новгородской IV и Софийской I летописей содержат полный текст «Слова о житии».⁴ В целом ряде летописных сводов

¹ В Софийской I летописи: «...един же благочьстен родися, многим прародителем славу прорости елико наидеть» (ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 110). — В Новгородской IV летописи выражением «елико наиде» заканчивается средняя часть похвалы: «...яко солнца луча испущая и вся съгрея, елико наиде» (ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, Л., 1925, стр. 365). Слова, предшествующие этому выражению в Софийской I летописи, в Новгородской IV предваряют среднюю часть похвалы.

² См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 153 и сл.; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 448—449.

³ Эволюция текстов «Слова о житии» рассматривается в тесной связи с историей летописных сводов, его заключающих.

⁴ Исключение составляет Воронцовский список Софийской I летописи (БАН, 34.2.31), где «Слово о житии» отсутствует; вместо «Слова о житии» в списке нахо-

XV—XVI вв., связанных с новгородским летописанием, «Слово о житии» отсутствует, здесь содержатся лишь краткие записи о смерти великого князя Дмитрия. Так, например, в Новгородской V летописи чи-

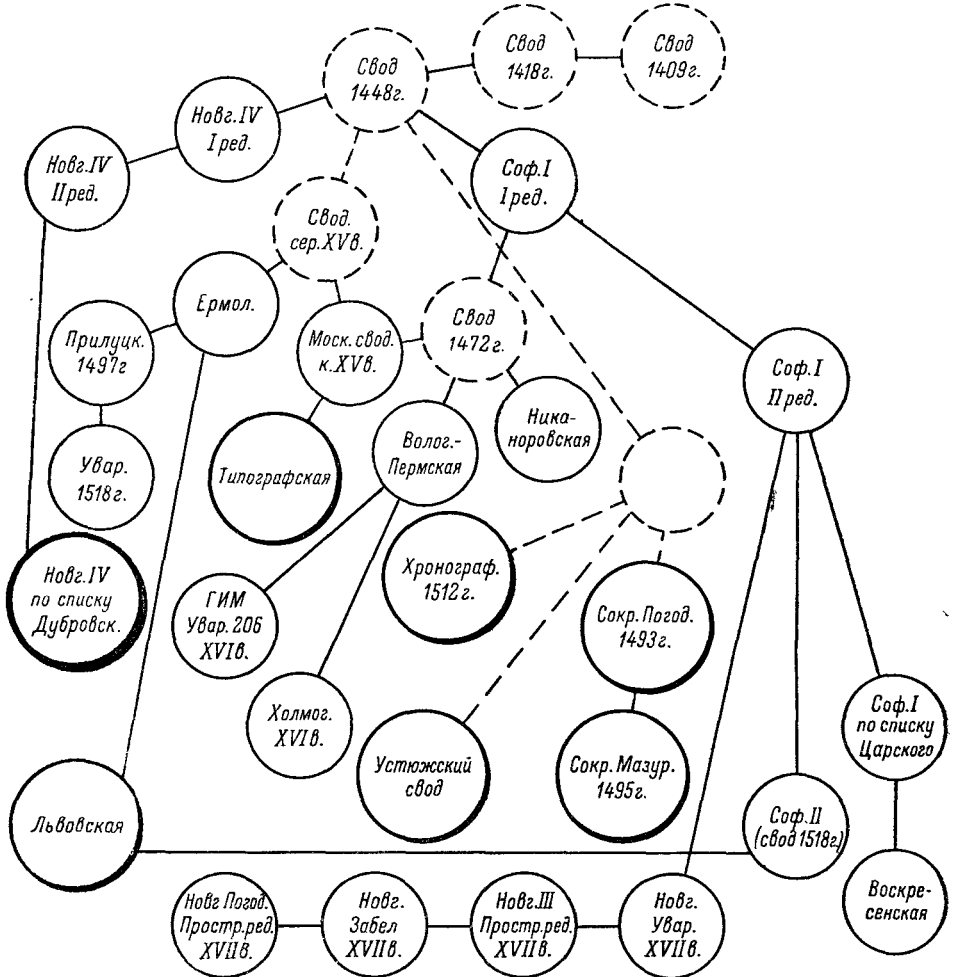

Схема взаимоотношений списков «Слова о житии о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьского»

таем: «Преставился князь великий Дмитрий Иванович на Москве месяца мая в 19 на память святого пророка Исаия».⁵ Подробную же краткую

дается текст в некотором сокращении и с некоторыми перефразировками, передающий запись «О преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» Симеоновской и Рогожской летописей.

⁵ См.: ПСРЛ, т. IV, СПб., 1948, стр. 139 (Хронографический список Новгородской V летописи — ГИМ, собр. Синод. библ. № 280 — издан в вариантах). По А. А. Шахматову одним из источников Новгородской V летописи, помимо второй редакции Новгородской IV, была Новгородская I летопись (Комиссионный список) — см.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 196, примеч. 1, 202. — Известие Новгородской V летописи о смерти князя Дмитрия повторяет текст известия Комиссионного списка, где читаем: «Преставился князь великий Дмитрий Иванович на Москве, месяца мая в 9, на память святого пророка Исаия» (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 383).

запись находим и в летописях, источником которых послужила Новгородская V летопись: Летописи Авраамки⁶ и Новгородско-Псковской летописи XVI в.⁷

Предельно краткую запись под 6896 г. дает Новгородская II летопись: «Преставися князь Дмитрией Ивановичь»,⁸ и тесно примыкающий к новгородскому летописанию Летописец епископа Павла: «В лето 6897 преставился князь Дмитрией». ⁹ Исключение составляет Новгородский свод XVI в. — список Дубровского, где уже содержится самое «Слово о житии», восходящее к тексту Новгородской IV летописи.¹⁰ Но текст «Слова о житии» списка Дубровского имеет следующую вставку, помещенную после слов «...князю Петру, дал есть город Дмитров с всеми волостями и с всеми пошлинами»: «Избрав от благороднейших от бояр своих первых своея палаты, иже баше ему достойнии и вернейша, паче всех Дмитрия Михайловича, Тимофея Васильевича, Ивана Родионовича, Дмитрия Костянтиновича, Семена Ивановича, Ивана Феодоровича, Никиту Феодоровича, Феодора Андреевича, Ивана Феодоровича Квашнина. Тако рече бояром своим: „Се ведаю вас известнейша паче всех человек и се предаю вам княгиню свою и дети своя и будите им в тверде разуме в мое место, яко же им аз сам был“. И отходя сего света написав духовную грамоту». Далее вновь следует фраза самого «Слова о житии»: «И утвердив златопечатную грамоту и целовав княгиню свою и дети своя...». Интересно отметить, что имена бояр, перечисленные в приведенном отрывке, за исключением имен Дмитрия Константиновича и Никиты Феодоровича, упоминаются в числе послухов в Духовной грамоте Дмитрия Донского.¹¹

Другая картина вырисовывается при рассмотрении «Слова о житии» в сводах, восходящих к Софийской I летописи. В сводах этой линии содержится уже самый текст памятника.

⁶ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 252. — В сходствующих с Летописью Авраамки летописных текстах — Супрасльском, Толстовском I № 189 (ГПБ, F.IV.156) и Синодальном № 154 (Кирилло-Белозерском) — текст под 1389 г. вообще отсутствует (см.: Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836).

⁷ См.: Псковские летописи, вып. I. Подготовил к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, стр. XLVII. — В приведенных кратких записях в отличие от Новгородской IV и Софийской I летописей, где князь Дмитрий умирает 19 мая «на память святого мученика Патрекея», смерть Дмитрия отнесена ко дню памяти святого пророка Исаяи. Такая замена памятей произошла, очевидно, потому, что число «19» ошибочно заменили «9», а 9 мая — действительно день памяти пророка Исаяи (см. Комиссионный список Новгородской I летописи). Заметим сразу, что в Псковских I и III летописях известие о смерти князя Дмитрия отсутствует, а Псковская II летопись содержит еще более краткую запись: «Преставися на Москве князь великий Дмитрией» (см. Псковские летописи, вып. II. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955, стр. 29).

⁸ ПСРЛ, т. XXX, М., 1965, стр. 168.

⁹ См.: БАН, собр. Доброхотова, № 18. — А. А. Шахматов считает, что Летописец епископа Павла восходит к краткому извлечению из «свода 1448 года» (А. А. Шахматов Обзорение летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 303—304).

¹⁰ Список Дубровского — ГПБ, F.IV.238 (см.: С. Н. Азбелев. Две редакции новгородской летописи Дубровского. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, стр. 220). В тексте «Слова о житии» списка Дубровского имеется примесь чтений Софийской I летописи.

¹¹ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950, стр. 37. — В летописи Дубровского, в отличие от Духовной грамоты, боярин Семен, кроме того, имеет отчество «Иванович» (вм «Васильевич»), и Иван Феодорович назван Квашниным. См. также: А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI, М., 1958, стр. 272.

В списке Царского Софийской I летописи,¹² Софийской II, Воскресенской летописях,¹³ а также в новгородских летописных сводах XVII в. — Новгородской Уваровской, пространной редакции Новгородской III и Новгородской Забелинской летописях сохранился полный текст «Слова о житии».¹⁴

Никаноровская летопись несколько сокращает текст памятника. Автор «Слова о житии» Никаноровской летописи, используя текст Софийской I летописи старшей редакции,¹⁵ подверг сокращению главным образом его историческую часть. Он сократил рассказ о битве на Воже, но в еще большей степени рассказ о побоище на Дону (опустил молитву Дмитрия, его обращение «к князем и велможам», ответ последних великому князю, описание битвы). В «Слове о житии» Никаноровской летописи опущены число, день, час смерти Дмитрия, а также день его положения «во гроб». Отсутствуют в рассказе и другие мелкие чтения.

Аналогичный Никаноровской летописи текст «Слова о житии», с теми же сокращениями, находим в Вологодско-Пермской летописи XVI в.¹⁶

¹² ПСРЛ, т. VI. — Список Царского Софийской I летописи, по наблюдениям А. А. Шахматова, основан на Софийской I младшей редакции, а также на сокращенном своде 1493 г. (ГПБ, собр. Погод. № 1409).

¹³ ПСРЛ, т. VII, СПб., 1859. — В некоторых чтениях «Слова о житии» в Воскресенской летописи повторяет чтения списка Царского Софийской летописи. Список Царского, по мнению А. А. Шахматова, был одним из источников Воскресенской летописи (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 370; см. также: С. А. Левина. Воскресенская летопись XVI в. (ее редакции, источники и значение). — В кн.: Труды Московского государственного историко-архивного института, т. 10, М., 1957, стр. 403).

¹⁴ Большую часть ядра Новгородской Уваровской летописи составляет Софийская I летопись младшей редакции (см.: С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960, стр. 14). «Слово о житии» восходит ко второй редакции Софийской I летописи — ГПБ, собр. Погод. № 1403 и издание: Российская летопись по списку Софийскому великого Новаграда, ч. I, СПб., 1795 (по списку БАН, 34.4.1). Аналогичный текст «Слова о житии» содержится в пространной редакции Новгородской III и Новгородской Забелинской летописях. Новгородская Уваровская летопись лежит в основе пространной редакции Новгородской III летописи, а последняя составляет ядро Новгородской Забелинской летописи (см.: С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века, стр. 43, 74). В краткой редакции Новгородской III летописи известие о смерти князя Дмитрия Ивановича отсутствует вообще.

В восходящей к Новгородской Забелинской летописи — пространной редакции Новгородской Погодинской летописи XVII в. (см.: С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века, стр. 77—87) содержится летописная запись о смерти князя Дмитрия, положении его в гроб «у архангела Михаила», кратко сообщается о наделении им уделами своих сыновей. Новостью этой записи является уточнение, сделанное по поводу удела князя Петра: «Князю Петру Дмитров на реце Яхроме» (разрядка наша, — М. С.). В сокращенной редакции Новгородской Погодинской летописи находится лишь краткая летописная запись о смерти Дмитрия и захоронении его в церкви архангела Михаила. В краткой редакции Новгородской Погодинской летописи и запись о смерти Дмитрия отсутствуют.

¹⁵ ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962. — В основе Никаноровской летописи до 1418 года лежит сокращенная первая редакция Софийской I летописи (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 354, 357). «Слово о житии» помещено в летописи под 6895 (1387) годом.

¹⁶ ПСРЛ, т. XXVI, М.—Л., 1959. — Сходство текстов «Слова о житии» в обеих летописях объясняется тем, что одним из источников Вологодско-Пермской летописи была летопись, сходная с Никаноровской (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 372; см. также: М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. III, М.—Л., 1940, стр. 231, 240, 243). Текст «Слова о житии» в Вологодско-Пермской летописи, так же как в Никаноровской, помещен под 6895 (1387) годом. Похвала великому князю в Чертковском списке Вологодско-Пермской летописи несколько короче остальных ее списков.

В восходящей к нескольким сводам XV—XVI вв. (в том числе к Холмогорской летописи¹⁷ и летописи под шифром ГИМ, собр. Уварова № 206 (1776), XVI в.¹⁸ также содержится текст «Слова о житии», но уже в значительно сокращенном варианте. Заглавие иное: «О преставлении великого князя Дмитрия». Действительно, текст сообщает лишь о последних днях жизни великого князя (начиная со слов «И по малех днех разболелся князь великий Дмитрий Иванович...»), его наставлениях княгине, детям, боярам, о разделе «вотчины» между сыновьями, приводит плач княгини над телом умершего князя, говорит о погребении князя, присутствии на его похоронах духовных особ. В рассказе обеих летописей приводится в сокращении и заключительный плач-похвала, но исходит он здесь из уст княгини. В обоих текстах встречается ряд выражений, отсутствующих в других известных нам летописных текстах: увидев, что князь умер, княгиня «ударилася о землю и едва подымоша», она восклицает: «Ох, ох, смерть злодею, вначале государя моего взяла еси. Ох, животе мой милый...». Присутствующий на похоронах игумен Сергей именуется «Радонежским». Текст в летописи Уварова № 206 более последователен в использовании своего источника, в «Слове о житии» Холмогорской летописи наблюдаются некоторые текстовые нарушения (перестановки), а самый рассказ еще более краток. Интересно отметить, что в заглавии «Слова о житии» Уваровской летописи князь Дмитрий Иванович назван «Задонским».

Полный текст «Слова о житии», восходивший к Софийской I летописи, сокращен и в московском своде 1479 г.,¹⁹ причем в значительно большей степени, чем в Никаноровской летописи. Здесь опущены не только отдельные выражения, но и большие по объему отрывки. Так, опущенной оказалась вся историческая часть «Слова о житии»: полностью отсутствуют рассказы о битве на Воже и на Дону, а также рассуждения о «славе» великого князя, предшествующие этим рассказам, начиная со слов: «И умножися слава имени его... якоже святаго и великаго князя Владимира». Опустив историческую часть «Слова о житии», составитель свода 1479 г. вставил лишь фразу: «... с погаными быяся за святыя церкви и за все православное христианство». Отсутствует в своде 1479 г. и характеристика великого князя, идущая в Софийской I летописи вслед за сообщением о его победе на Куликовом поле. Некоторые следы этой характеристики обнаруживаются в конечной части «Слова о житии», в «плаче народа». Полностью опущена и похвала Дмитрию во второй части «Слова о житии» со слов: «... солнце помрачается, луна облаком закрывается». Текст частично перекомпанован: известие о браке Дмитрия с дочерью князя Дмитрия Суздальского вставлено в среднюю

¹⁷ Холмогорская летопись под шифром ГПБ, собр. Погод. № 1405, XVII в. пока не издана; о ней см.: Я. С. Лурье. О неизданной холмогорской летописи. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964, стр. 449—455. — Я. С. Лурье относит летопись к XVI в., отмечает ее общерусский характер и одним из ее источников называет протограф Вологодско-Пермской летописи (см. также статью Я. С. Лурье «Холмогорская летопись» в настоящем томе, стр. 135—149).

¹⁸ Текст «Слова о житии» этой летописи любезно предоставлен нам Н. Ф. Дробленковой. В своих чтениях он часто сближается с чтениями Академического списка Вологодско-Пермской летописи, иногда списка Лондонского; см. статью Н. Ф. Дробленковой «Летописные заметки о событиях 1378—1395 гг. в сборнике ГИМ, Увар. № 206 (1776)», в настоящем томе, стр. 309—319.

¹⁹ Свод 1479 г. сокращал свой основной источник; см. об этом: А. А. Шахматов. Обозрение летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 264—266. — Так как текст «Слова о житии» в Эрмитажном списке (№ 416-б) свода содержит искажения, приводим примеры по списку ГИМ, собр. Уварова № 1366 (издан в ПСРА, т. XXV, М.—Л., 1949), представляющему более позднюю редакцию свода 1479 г.

часть первой половины «Слова о житии», само «Слово о житии» заканчивается сообщением о присутствии на похоронах Дмитрия духовных владык и судьбе его сыновей — Иоанна, Константина и Даниила — известиями, находящимися в «Слове о житии» по Софийской I летописи в его первой части.

Составитель свода 1479 г., сокращая текст «Слова о житии», частично перефразировал отдельные его места, добавляя иногда новые выражения. Так, например, фраза Софийской I летописи «... царский убо сан держаше, ангелскы живяше, постом и молитвою, и по вся нощи стояше, сна же токмо мало принимаше, и паки по мале часе на молитву вставаше, и подобу благу творяше всегда...» в своде 1479 г. читается так: «... аще бо царский сан держаше, а посту и молитве прилежаше, и по вся нощи бдяи сна мало приемля, и паки на молитву вставаше, и всегда благу подобу творяше...»; или вм. «... но все творите с повелением родитель своих» Софийской I летописи, в своде 1479 г.: «... все же творите с разсуждением, яко же достоин, и со вопрошением матери вашей»; вм. «огненные слезы изо очию испущаше» Софийской I летописи в своде 1479 г.: «... и слезы от очию яко быстрины речныя испущающе». Известие Софийской I летописи о том, что князь «... призва к себе княгиню свою...», составитель свода пополнил выражением «... бе бо и та в болезни...», а к сообщению о перенесении тела князя Дмитрия в церковь добавил: «... егда же бысть день четверток».

В Типографской летописи, восходящей к своду 1479 г.²⁰ и сокращавшей его, «Слово о житии» представлено также в сокращении. Это по существу краткая летописная запись, восходящая к рассказу свода 1479 г. В ней названы лишь день смерти великого князя, количество лет его царствования, сказано, в каком возрасте князь женился, сколько лет прожил с княгиней, какими уделами наделил своих сыновей. В отличие от рассмотренных выше текстов в «Слове о житии» Типографской летописи содержится запись о наделении великим князем только что родившегося князя Константина землями из уделов его братьев и передаче княгине «града Верии». По-видимому, эта запись основана на использовании ее составителем (уже вторично) Духовной грамоты Дмитрия Ивановича, которая, как скажем ниже, была одним из основных источников «Слова о житии».

В виде краткой летописной записи «Слово о житии» предстает и в Ермолинской летописи. Здесь перечисляются лишь наделы, оставляемые великим князем сыновьям (в несколько отличной от ранее рассмотренных текстов редакции) и говорится о «преставлении» сыновей Дмитрия — Ивана и Даниила.²¹

²⁰ См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 367; Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 457—458 — Типографская летопись издана в ПСРЛ, т. XXIV (Пгр., 1921). См также А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 235 и сл.

²¹ См. ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1910. — О Ермолинской летописи см. А. А. Шахматов. 1) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод — ИОРЯС т. VIII, СПб., 1903, стр. 4 и т. IX. СПб., 1904, стр. 1; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 146—149, 368; Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 468—469; Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРА, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 157 и сл.; А. Н. Насонов. 1) Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 264 и сл.; 2) Московский свод 1479 г и Ермолинская летопись. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, стр. 218—222. — А. Н. Насонов в последней работе на основании сличения текстов Ермолинской летописи и свода 1479 г. приходит к выводу, что в части до 1425 г. в основании обоих сводов лежит общий источник, который Ермолинская летопись сокращала.

Аналогичный Ермолинской летописи текст «Слова о житии» находится в Прилуцкой (свод 1497 г.) и Уваровской (свод 1518 г.) летописях.²² Сходство рассматриваемых текстов Прилуцкой и Уваровской летописей с Ермолинской объясняется тем, что эти летописи в пределах до 1417 г. передают текст, сходный с Ермолинской летописью.²³

Тот же самый краткий текст «Слова о житии» заключает в себе и летопись Львовская.²⁴ Однако после этой краткой записи отдельно, под заглавием «Плачь великия княгини Овдотии по великому князем Дмитрее Ивановича», в тексте Львовской летописи (Эттеровом списке) помещен отрывок (начинается словами: «Видевши же княгини его Овдотия. . .»), излагающий в некотором сокращении и с некоторыми перефразировками текст плача Евдокии и плача-похвалы автора, в редакции, восходящей к Софийской I летописи.²⁵ Вслед за словами, которыми обычно оканчивается произведение («. . . и благим и животворящим ти духом, ныне и присно и в веки веков, амин»), в этом тексте читается отрывок, взятый из первой части «Слова о житии», где дается характеристика великому князю: «Сей же князь велики Дмитрий Иванович неповинные любляше. . . многиа труды и победы по правоверной вере показа, якоже инь никтоже».²⁶ В плачь-похвалу автора Львовской летописи введено несколько выражений, заимствованных из Жития Александра Невского (плача автора по Александре): «Горе тебе, бедный человеки, како можеша написати кончину своего государя великого князя Дмитрея Ивановича? Како не испаде веници ти вкупе со слезами, како ли не разседя сердце твое от многие туги? Отца бо человек забудеть, а добра государя не можеть забыти, аще бы с ним во гроб влезл».²⁷

Сокращенную редакцию «Слова о житии» содержат в себе и так называемые Сокращенные летописные своды 1493 г. — Сокращенная Погодинская и 1495 г. — Сокращенная Мазуринская летописи.²⁸ Текст «Слова о житии» в обеих летописях сходен и содержит под 1389 г. следующие

²² Текст обеих летописей издан: ПСРЛ, т. XXVIII, М.—Л., 1963. Именован свод 1497 г. «Прилуцкой летописью» предложил Я. С. Лурье (Новые памятники русского летописания конца XV в. — История СССР, 1964, № 6, стр. 119).

²³ См.: А. Н. Насонов. 1) Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — Проблемы источниковедения, т. IV, М., 1955, стр. 251—252; 2) Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 252—255; К. Н. Сербина. 1) Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный свод 1497 г.). — Проблемы источниковедения, т. XI, М., 1963, стр. 391—428; 2) Летописный свод 1518 г. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР, вып. 5. М.—Л., 1963, стр. 587—608; Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в., стр. 125—131.

²⁴ ПСРЛ, т. XX, первая половина, СПб., 1910. Сходство кратких текстов «Слова о житии» в Львовской и Ермолинской летописях объясняется тем, что эти летописи имеют в основе общий оригинал (А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. — ИОРЯС, 1904, кн. 1, стр. 379 и сл., 423).

²⁵ В печатном издании Н. А. Львова этот отрывок опущен (см.: ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. III—IV, 206—207). Отрывок мог попасть в текст Львовской летописи из Софийской II, так как по А. А. Шахматову (Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.; стр. 370) основным источником Львовской летописи был «свод, доведенный до 1518 г. и использовавший Софийскую II-ю л.».

²⁶ Этот текст содержится в печатном издании Н. А. Львова (см.: ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. 209).

²⁷ ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. 207; ср.: Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели русской земли». М.—Л., 1965, стр. 177—178.

²⁸ ПСРЛ, т. XXVII. — Названия летописей предложены Я. С. Лурье в статье «Новые памятники русского летописания конца XV в.» (стр. 119). Сокращенные Погодинская и Мазуринская летописи представляют собой различные редакции одной летописи. Происхождение свода, лежащего в основе этих летописей, еще не выяснено (там же, стр. 119, 121; в статье Я. С. Лурье приведена и литература вопроса).

известия: разболевшийся князь великий Дмитрий созывает «свои руския князи и бояре» и «раздели детем своим города»; он призывает сына своего Василия и дает ему княжение «на всей Московьской земли» раздает уделы и другим своим сыновьям. В отличие от рассмотренных выше вариантов сокращенных текстов «Слова о житии» здесь названы города Руза и Вышгород, переданные великим князем сыну Юрию (это соответствует и Духовной грамоте Дмитрия Ивановича). «Утвердив златопечатныя грамоты» и попросившись со всеми, князь умирает. Сообщаются день и час его смерти, число лет княжения и совместной жизни с княгиней; затем указывается, где князь был похоронен — в церкви архангела Михаила и что на погребении его был «гречин Феогност, митрополит трапизонской».

Подобный сокращенный текст «Слова о житии», за исключением нескольких разночтений, содержится в Архангелогородской летописи, что объясняется использованием составителем этой летописи в числе своих источников, как предполагается, свода, лежащего также в основе Сокращенных Погодинской и Мазуринской летописей.²⁹ Главное отличие его от Погодинской и Мазуринской летописей состоит в упоминании в нем двух городов на Белоозере — Каргополе и Карголоме, данных Дмитрием сыну Андрею; зато Руза, отданная Юрию, в нем не названа.

Находящийся в Хронографе 1512 г. текст «Слова о житии» также близок тексту Сокращенной Погодинской и Сокращенной Мазуринской летописей,³⁰ хотя он несколько сокращен и перефразирован; в то же время в нем имеются дополнения. Так, в тексте отсутствует фраза о том, что великий князь созывает князей и бояр и раздает «детем своим города». Самые города названы, названы и Руза и Вышгород, однако то, что эти города давались с «волостями и с пошлинами», не сказано. Опущена и запись о том, что князь перед смертью прощался с князьями и своими близкими. В текст введены следующие дополнения — к сообщению о рождении князя Константина добавлено: «... и тому повеле дати Ръжеву, толко буде жив», а о городе Димитрове, данном Петру, сказано: «...его же създа князь велики Юрьи Владимеровичь на реце на Яхроме во имя сына своего Всеволода, ему же имя во святом крещении Димитрие в лето 6662».³¹

«Слово о житии» содержится также в Никоновской летописи и Степенной книге.

В Никоновской летописи «Слово о житии» значительно сокращено и носит заглавие: «Преставление великаго князя Дмитрея Ивановичя Московьскаго».³² В тексте отсутствует плач княгини и похвала с философскими размышлениями автора, опущена историческая часть — описания битв на Воже и Куликовом поле. Рассказ содержит лишь житийную характеристику князя, приводятся также последние наставления князя сыновьям, боярам, княгине. Составитель «Слова о житии» Никоновской

²⁹ См.: Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 3; Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в., стр. 119.

³⁰ Откуда попали эти известия в Хронограф 1512 г., пока не выяснено. Еще М. Д. Приселков предполагал, что русские известия Пахомиевой редакции Хронографа в пределах 1425—1441 гг. могли быть заменены в редакции Хронографа 1512 г. известиями более позднего летописного свода, чем Полихрон Фотия. (М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 148—149). Возможно, это относится и к известиям конца XIV в.

³¹ ПСРЛ, т. XXII, ч. I, СПб., 1911, стр. 416. — В некоторых чтениях текст «Слова о житии» Хронографа 1512 г. сходен с записью под 1389 г. пространной редакции Новгородской Погодинской летописи.

³² ПСРЛ, т. 11, М., 1965, стр. 108.

летописи особое внимание уделит моменту раздела имения великого князя: рассказ Новгородской IV и Софийской I летописей о разделе имения между сыновьями Дмитрия он расширил вставкой из Духовной грамоты Дмитрия.³³

Текст «Слова о житии» в Остермановском томе Лицевого свода («Древнем летописце») ³⁴ также расширен по Духовной грамоте в части, где идет речь о разделе имения великого князя. Но в отличие от списков Никоновской летописи текст в «Древнем летописце» полный, он восходит к редакции Софийской I летописи.

В Степенной книге «Слово о житии» восходит к редакции Софийской I летописи, но представлено оно здесь не в виде отдельной статьи, а рассредоточено по отдельным главам Степенной книги.³⁵ Вводная часть «Слова о житии», где сообщается о рождении великого князя, его родителей, занимает в Степенной книге главу первую двенадцатой степени; историческая часть — главы шестую и седьмую, причем текст «Слова о житии» расширен здесь вставками из «Летописной повести о Куликовской битве». Остальная часть «Слова о житии» занимает в Степенной книге главы 10—13. Текст «Слова о житии» в ней изобилует риторическими добавлениями.³⁶

Итак, обзор списков «Слова о житии», дошедшего до нас в составе летописных сводов, показал, что «Слово о житии», переходя из летописи в летопись, постоянно претерпевало изменения. Эти изменения шли обычно по линии сокращения его первоначального текста в тесной связи с изменениями, которые претерпевали включавшие в себя «Слово о житии» летописные своды (например, Никоновская летопись, свод 1479 г., Типографская летопись сокращали свои источники). Из текста «Слова о житии» устранялись различные части: то опускалась часть историческая с описанием битв на Куликовом поле и Воже, то изымался плач Евдокии или плач-похвала автора или отбрасывались риторические распространения. Но составители сводов оставляли обычно нетронутым текст, повествующий о последних наставлениях великого князя и разделе имения между сыновьями (иногда только последний). Если в «Слове о житии» начиная с конца XV в. и делались какие-то добавления, то, как правило, они вносились (обычно из Духовной грамоты Дмитрия Донского) только в текст, относящийся к разделу княжеской «вотчины», уточняя или распространяя его (Типографская, Никоновская, Сокращенная Погодинская и Сокращенная Мазуринская летописи).

Рассмотренные нами поздние тексты «Слова о житии», давая представление о литературной жизни памятника во второй половине XV в.—XVII в., не включают в себе, однако, особых данных для выяс-

³³ Там же, стр. 114—116

³⁴ Там же, стр. 108—121 (БАН, 31.7.30). — В чтениях «Слово о житии» «Древнего летописца» иногда близко списку Царского Софийской I летописи, встречаются в нем также чтения свода 1479 г.

³⁵ ПСРЛ, т. XXI, вторая половина, СПб., 1913.

³⁶ В Московско-академическом списке Суздальской летописи XV в. (ПСРЛ, т. I, вып. 3, Л., 1928) во Владимирском летописце (ПСРЛ, т. XXX) и Тверском сборнике (ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863) — памятниках XVI в. — «Слово о житии» дошло лишь в кратких записях. В Московско-академическом списке Суздальской летописи сообщены лишь год, день и час смерти Дмитрия Донского. Во Владимирском летописце, происхождение которого еще не вполне выяснено (М. Н. Тихомиров. Летописные памятники 6. Синодального (Патриаршего) собрания. — Исторические записки, т. 13, М., 1942, стр. 261) под 1389 г. сообщается день смерти великого князя, число лет, им прожитых, и число лет его княжения; названы также имена его четырех сыновей. Тверской сборник под 1389 г. сообщает о смерти великого князя и благословении им на княжение сына Василия.

нения его происхождения. Вопросы определения источников «Слова о житии» и его датировки мы будем решать, основываясь на старейших его текстах, сохранившихся в Новгородской IV и Софийской I летописях.

* * *

Когда же было создано «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»?

Верхняя граница времени сложения памятника определена. «Слово о житии» уже входило в так называемый «свод 1448 года»: его заключают в себе все редакции Новгородской IV и Софийской I летописей. Какова же нижняя граница времени создания «Слова о житии»?

А. А. Шахматов относил «Слово о житии» к концу XIV в., полагая, что оно было составлено вскоре после кончины великого князя Дмитрия Ивановича лицом, присутствовавшим на его погребении.³⁷

К концу XIV в. относил «Слово о житии» и С. К. Шамбинаго, никак, впрочем, не объясняя мотивов своей датировки.³⁸

Взгляд на более позднее происхождение памятника впервые обоснованно был высказан В. П. Адриановой-Перетц в статье, специально посвященной «Слову о житии».³⁹ Исследуя стиль памятника, В. П. Адрианова-Перетц пришла к заключению, что литературные приемы его автора говорят «не о 1390-х годах, а уже о XV веке». Сходство литературных приемов автора «Слова о житии» с панегирическим стилем Епифания Премудрого позволило В. П. Адриановой-Перетц поставить вопрос о знакомстве автора «Слова о житии» с произведениями Епифания и отнести в связи с этим время создания «Слова о житии» не ранее чем к 1417—1418 гг. и даже к еще более позднему времени.⁴⁰ Внимание В. П. Адриановой-Перетц привлекла также прощальная речь Дмитрия Донского к сыновьям и боярам — имеющая в ней место политическая тенденция, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, могла быть отголоском обострившейся в 1432—1453 гг. борьбы «объединительных тенденций московских великих князей с притязаниями старой феодальной знати».⁴¹

Взгляд В. П. Адриановой-Перетц на датировку памятника XV в. был, однако, пересмотрен в последние годы А. В. Соловьевым.⁴² Полностью соглашаясь с В. П. Адриановой-Перетц в вопросе о стилистическом сходстве «Слова о житии» с произведениями Епифания Премудрого — житиями Стефана Пермского и Сергия Радонежского и похвальными

³⁷ Об этом, по мнению А. А. Шахматова, говорят подробности в описании последних моментов жизни князя и его погребения: автор «Слова о житии» пишет, что он «слышах, как мног народ глаголющ: „о горе нам, братье!“» (А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910 (отдельный оттиск из «Отчета о 12-м присуждении премий митрополита Макария»), стр. 119).

³⁸ С. К. Шамбинаго. Исторические повести. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 208.

³⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского. — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 91—92. — Датировка В. П. Адриановой-Перетц была принята Н. К. Гудзием (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1956, стр. 231).

⁴⁰ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии...», стр. 91.

⁴¹ Там же, стр. 91—92.

⁴² А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского». — ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 85—106.

словами Сергию, А. В. Соловьев вместе с тем вернулся к старой точке зрения, утверждая, что «Слово о житии» было создано вскоре после смерти Дмитрия Донского лицом, присутствовавшим при его кончине.⁴³

Основанием для датировки «Слова о житии» концом XIV в. А. В. Соловьеву послужили слова памятника: «но токмо слышах мног народ глаголющ: о горе, нам, братье, князь княземь успе» и «предобрый господин», упоминание точных дат погребения, наличие в «Слове о житии» цитат из завещания Дмитрия Донского.⁴⁴ Все это, по мнению А. В. Соловьева, могло быть произнесено и записано только современником. В прощальной речи Дмитрия к боярам и сыновьям А. В. Соловьев увидел отражение реальной обстановки княжения Дмитрия Донского: смысл прощальной речи Дмитрия состоял в том, что, сказав несколько комплиментов боярам, поддерживавшим его правление, он требовал от них лишь верной службы детям. Такая речь, пришел к заключению А. В. Соловьев, могла быть сказана в 1389 г., но не выдумана в 1432—1453 гг. Стилистическое сходство «Слова о житии» с произведениями Епифания Премудрого, с одной стороны, и уверенность в том, что оно было сложено в 1393—1394 гг. — с другой, привело А. В. Соловьева к утверждению, что «Слово о житии» написано самим Епифанием Премудрым еще до создания им Жития Стефана Пермского.⁴⁵

Позволим себе высказать свои соображения по поводу создания «Слова о житии».

Как показало исследование летописных памятников XV в., нами еще не рассматривавшихся, «Слова о житии» не существовало ни в конце XIV, ни в начале XV в. В ряде летописей XV в., в частности, в Симеоновской летописи и в восходящем к ней Рогожском летописце,⁴⁶ под 1389 г. вместо «Слова о житии» находится текст, носящий название «О преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». Текст этот сообщает, что «В лето 6897, месяца майа в 19, на память святого мученика Патрекиа, на 5 недели по велице дни, в среду долго вечера, в час ноши, преставися благоверный и христоробивый и благородный князь великий Дмитрий Ивановичь Московский, в гроб положен бысть майа в 20, на память святого мученика Фалелеа, и певше над ним обычныя песни, положиша его в церкви святого архааггела Михаила, идеже есть гроб отца его и деда его и прадеда его, и плакаша над ним князи и бояре, и велможи, епископи, архимандриты и игумени, и попове, диаconi, и черноризци, и весь народ от мала и до велика, и несть такова, кто бы не плакал, и пения не слышати в мнозе плачи. Бе же ту гость, митрополит Тряпизонский Феогнаст гречин, и Данило владыка, и Сава, епископ Сарайский, и Сергей

⁴³ Там же, стр. 85—90. — А. В. Соловьев считает, что произведение было закончено в 1393 или 1394 г., вскоре после смерти Ивана (умер в 1393 г.). Князь Иван, сын Дмитрия Донского, в «Слове о житии» упомянут как уже умерший.

⁴⁴ А. В. Соловьев считает, что автор «Слова о житии» воспользовался записью завещания Дмитрия Донского, сделанной им при оглашении того завещания якобы во дворце, после смерти Дмитрия, и что завещание это могло быть интересно только пока сыновья Дмитрия были живы. «Трудно себе представить, — пишет А. В. Соловьев — чтобы через сорок или пятьдесят лет после 1432 г. автор стал бы разыскивать в великокняжеском архиве это завещание: вероятнее всего его бы не допустили в ризницу» (А. В. Соловьев, Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии...», стр. 90).

⁴⁵ Житие Стефана Пермского создано Епифанием Премудрым вскоре после его смерти (умер в 1396 г.); см.: С. А. Бугославский, Жития. — В кн.: История русской литературы, т II, ч. 1, стр. 236 — А. В. Соловьев прав, возражая В. П. Адриановой-Перетц, когда считает, что отсутствие в произведении имени Епифания Премудрого и ссылака на Дионисия Ареопажита еще не снимают вопроса авторства Епифания.

⁴⁶ Симеонская летопись или ее протограф была одним из источников Рогожского летописца (А. А. Шахматов, Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 312).

игумен, преподобный старецъ, инии мнози; разидошася вси, многа плача наполнившеся. Быше же князь великий был на княжении лет 27, а жил от рожества своего лет 40». ⁴⁷

Текст «О преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», по предположению А. А. Шахматова, попал в Симеоновскую летопись из Троицкой или тождественной с ней летописи (свода 1409 г.), в пределах с 1177 по 1390 г. являвшейся источником Симеоновской. ⁴⁸ Каково отношение «Слова о житии» к рассматриваемому тексту?

Как мы только что видели, текст Симеоновской летописи представляет собой сравнительно краткую запись, последовательно излагающую данные о времени кончины великого князя Дмитрия Ивановича, месте его погребения, его возрасте к моменту кончины и количестве лет его княжения. Называются лица духовного звания, присутствующие на погребении, сообщается о горе его приближенных и всего народа. Интересно отметить, что эта запись, за исключением, может быть, нескольких слов, полностью повторена в «Слове о житии» в различных местах первой исторической части его текста. В тех же выражениях, что и в Симеоновской летописи, в «Слове о житии» сообщается о кончине великого князя: «преставися благоверный и христоролюбивый благородный великий князь Дмитрий Ивановичъ всея Руси (в Симеоновской летописи «Московский»), мая в 19, на память свягата мученика Патрикия за 5 недиль по велице дни, в среду, долго вечера в 2-й (в Симеоновской летописи «в час») час ноши». Сходно описываются и похороны князя: «и принесеше его в церковь свягата арггела Михаила, идеже есть гроб отца его и деда его и прадеда», «и певше над ним обычное надгробное пение» (в Симеоновской летописи «обычные песни»), «и положиша его в гроб месяца майа в 20-й день на память свягата мученика Фалелея», «и плакаша над ним князи, бояре, велможе, епископы, архимадриты, игумены, попове, дьякони, чернорисци и всь народ (в списках Г, Т Новгородской IV летописи) от мала и до велика, и несть такова, кто бы не плакася и пения не слышитъся в мнозе плаче. Бе же ту гость, митрополит Тряпизонской Феогнаст Гречин и Данило владыка Смоленской, и Сава епископ Сараский, Сергей игумен преподобный старецъ, инии мнози; разидошася, многа плача наполнившеся». ⁴⁹ Известие же Симеоновской летописи о том, что на княжении великий князь был 27 лет, а от рождения ему 40 лет, находим в «Слове о житии» в тексте речи князя к боярам: «... землю рускую дръжах 20 лет и 7, а от рожения ми 40 лет». ⁵⁰

Может быть, приведенную запись Симеоновской летописи следует рассматривать как сокращение пространного рассказа о житии Дмитрия Новгородской IV и Софийской I летописей? Однако этому противоречит следующее. Сообщение Симеоновской летописи представляет собой не только композиционно стройную, как уже говорилось, запись о «преставлении» великого князя Дмитрия Ивановича. Сообщение это написано в той же стилистической манере, которая характерна для других частей Симеоновской (и Троицкой) летописи. Так, под 1340 г. читаем: «В лето 6848 преставися князь великий Московский Иван Даниловичъ... месяца марта 31, на память свягата отца Стефана чудотворца, а в гроб положен

⁴⁷ ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 138. — В Рогожском летописце вм. «в час ноши» — «два часа ноши», вм. «обычные песни» — «обычные надгробные пения», вм. «московский» — «всяя Руси» (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, М., 1965, стлб. 156).

⁴⁸ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. — ИОРЯС, т. V, СПб., 1900, стр. 553.

⁴⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 358, 360.

⁵⁰ Там же, стр. 357.

бысть месяца апреля в 1, на память преподобных Марии Египетския, в церкви святого Михаила... и плакашася над ним князи, бояре, велможи... игумени, попове, дьякони, черньци и черници, и вси народи... поюще над ним надгробныя песни, и разидошася плачуще, наполнишася великия печали и плача...».⁵¹ Под 1354 г.: «В лето 6862 преставися преосвященный Феогност, митрополит всеа Русии... месяца марта в 11, на память святого отца Софрония, а в гробе положен бысть марта в 13, на память святого отца Никифора, и бысть на провожании его владыка володимерский, епископ Алексей, и епископ волынскый Афанасий, и епископ коломенскый Афанасий, и вси игумени, и попове, и диаконы, и черньци, и весь народ московскый; и положиша и в церкви святых Богородица на Москве, близ гроба Петра митрополита».⁵² Под 1355 г. «В лето 6863... преставися князь Костянтин Васильевич Суздальскый месяца ноября в 21 на Введение святых богородица... и положен бысть в церкви святого Спаса... а княжил лет 15...».⁵³ Под 1359 г.: «В лето 6867, месяца ноября в 13, на память святого отца Иоанна Златоустаго, преставися благоверный князь великий Иван Иванович Московскый... и положен бысть... в церкви святого Михаила, а княжил лет 6».⁵⁴ Под 1383 г.: «В лето 6891... месяца июля в 5 день в неделю, на память святого отца Еуламъпада, в 6 час дни преставися... князь великий Дмитрий Костянтинович... и положен бысть... в церкви каменной в святом Спасе, на правой стороне подле отца своего... и подле брата своего, ... быв на великом княжении два лета, а в своей отчине такоже на великом княжении 19 лет, а жив от рожества своего всех 61».⁵⁵

На основании приведенных примеров, свидетельствующих о том, что известия о смерти великих князей или духовных лиц и в других местах Симеоновской (и Троицкой) летописи повторяются в тех же формулировках и в той же последовательности, что и в нашей записи, можно сделать заключение, что эта запись сложилась внутри свода 1409 г.

В то же время в записи Симеоновской летописи нет никаких посторонних включений, идущих как от самого пространного рассказа о житии, так и от его источников. Трудно вообразить себе такой процесс сокращения первоначального пространного текста, при котором не осталось бы и следа использованных в нем литературных источников, а выделенный текст был бы переделан в стиле записей «о преставлении» лиц княжеского и духовного звания. Естественнее представить себе обратный процесс творчества: составляя пространный рассказ о житии великого князя Дмитрия Ивановича, автор его использовал летописно-документальные данные о «преставлении» князя, которые легли в основу повествования. Но цель составителя жития была рассказать не столько о смерти, сколько о жизни великого князя, которого он стремился прославить.

Поэтому он обратился к целому ряду литературных источников, одни из которых дали ему дополнительные факты, другие послужили образцом для создания «украшенного рассказа». Краткие данные Троицкой летописи существенно пополнились новыми сведениями о детских годах великого князя, его бракосочетании, его воинских подвигах и т. п., а некоторые выражения этой летописной записи были несколько изменены, подчиняясь включившему их в себя тексту. Так, сухое, документальное выражение Троицкой летописи «положиша его в церкви» в «Слове о жи-

⁵¹ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 93.

⁵² Там же, стр. 98.

⁵³ Там же, стр. 99.

⁵⁴ Там же, стр. 100.

⁵⁵ Там же, стр. 134—135.

тии», где события — смерть, похороны князя — не только констатировались, но главным образом описывались, было заменено выражением «и принесше его в церковь». Краткое заглавие Троицкой летописи «О преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» получило новое оформление и теперь звучало: «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго».

Таким образом, запись Симеоновской летописи мы признаем записью летописи Троицкой и считаем, что эта запись была той основой, на которой впоследствии возникло «Слово о житии».

Установленная связь «Слова о житии» со сводом 1409 г. в отрывке «о преставлении» князя Дмитрия Ивановича наводит на мысль, не явилась ли и другая запись этого же свода под 1378 г. — о битве на Воже — также источником «Слова о житии». В обоих памятниках в этом эпизоде имеются совпадения:

Рассказ о битве на Воже
свода 1409 г.

Мамай, събрав воя многы,
и посла Бегича...

Се же слышав князь
... Дмитрей... събрав воя
многы и поиде... и срето-
шася с Татары у реки у
Вожи... Татарове тако
и побегоша

Дмитрей възвратися... на
Москву с победою великою...

... и поможе бог князю...
Дмитрею... и посрамлены
быша океаннии половци...

«Слово о житии»

И посла... Мамай
... Бегича с великою силою...

Се же слышав князь
Дмитрий поиде... с
многою силою... и сътупися
с погаными... на реце Вожи...
инья же побегоша...

... и возвратися Дмитрий
с великою победою...

... и поможе бог... князю
Дмитрию, а поганыя Агаряны
посрамлены быша...

Сравнение обоих текстов позволяет считать наше предположение достаточно вероятным.

Итак, до 1409 г. «Слова о житии» в летописании еще не существовало. Имелась всего лишь краткая летописная запись «о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», носящая информационный характер. Такой вывод делает точку зрения А. В. Соловьева на время возникновения памятника маловероятной, точка зрения В. П. Адриановой-Перетц, считающей, что «Слово о житии» создано под влиянием произведений Епифания Премудрого и, следовательно, не ранее 1418 г.,⁵⁶ представляется более правильной. И текстологические, и стилистические наблюдения, таким образом, позволяют отнести памятник к концу первой четверти XV в. Но существуют еще обстоятельства, которые позволяют отодвинуть «Слово о житии» еще к более позднему времени.

⁵⁶ В этом году или несколько позже Епифанием Премудрым было написано отраженное в «Слове о житии» Житие Сергия Радонежского (см.: В. П. Зубов Епифаний Премудрый и Пахомий Серб. (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского». — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 145). К 1418 г. приурочивает А. С. Борисевич и «Похвальное слово Сергию» (см. канд. дисс. А. С. Борисевича «Памятники Московской литературы XIV—нач. XV в. (1326—1418), 1951 г. в ГБЛ, шифр ДК $\frac{52-10}{108}$). За сообщенные сведения благодарю О. Ф. Коновалову. Епифаний Премудрый умер около 1420 г. (см.: О. А. Белоброва. О некоторых изображениях Епифания Премудрого и их литературных источниках. — ТОДРА, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 95).

* * *

Если С. К. Шамбинаго полагал, что на «Слово о житии» в значительной степени повлияла Повесть об Александре Невском⁵⁷ и «никоим образом» не «Летописная повесть» о Куликовской битве,⁵⁸ то А. А. Шахматов, напротив, считал, что последняя была единственным источником исторической части памятника.⁵⁹

Далеко не все приводимые А. А. Шахматовым параллели в настоящий момент могут быть приняты. Исследование текстов «Летописной повести» о Куликовской битве показало, что ряд перекликающихся со «Словом о житии» выражений, которые А. А. Шахматов считал принадлежащими первоначальному варианту «Летописной повести», на самом деле оказались позднейшими заимствованиями из «Слова о житии»: ⁶⁰ они появились на поздних этапах истории текста «Летописной повести» и отсутствовали в ее старших текстах. Приведем лишь бесспорные параллели, которые, по мнению А. А. Шахматова, говорят о влиянии «Летописной повести» на «Слово о житии»: и в том и в другом произведении великий князь, узнав, что на него идет Мамай, обращается с молитвой к богородице (в «Летописной повести» и к богу), прося заступничества. В этой молитве в «Слове о житии» использован тот же псалом (LXXVIII, 10), который в «Летописной повести» содержится в молитве великого князя, произносимой им несколько позже.⁶¹ И в том и в другом памятнике Мамай сравнивается со Святополком, а Дмитрий с Ярославом. Влиянием «Летописной повести» объяснял А. А. Шахматов и появление в «Слове о житии» выражения «И въсприим Аврамлю доблесть» (в «Летописной повести»: «... и въсприим Аврамлю доблесть») паремийного чтения о Борисе и Глебе⁶² произведения, которое было одним из источников «Летописной повести».

В. П. Адрианова-Перетц пришла к заключению, что «Слово о житии» пользовалось и самостоятельно источниками «Летописной повести» — паремийным чтением о Борисе и Глебе и Повестью об Александре.⁶³ Помимо упоминавшегося выше чтения «И въсприим Аврамлю доблесть», имеющегося и в «Летописной повести», к паремийному чтению о Борисе и Глебе⁶⁴ восходят в «Слове о житии» следующие выражения и детали в картине Куликовской битвы: Дмитрий «пойде... на ... Святополка... и съступишася» (в паремийном чтении: «Ярослав... пойде на Святопълка... и съступишася»); воины «сечахуся, за руки емлющеся; по

⁵⁷ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 66.

⁵⁸ С. К. Шамбинаго. Исторические повести, стр. 210.

⁵⁹ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище», стр. 119—120.

⁶⁰ Например, выражения: «Дон река потече кровью», «главы татарьскы аки камень валяшеся» (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 351, 354; ср.: А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго, «Повести о Мамаевом побоище», стр. 120—121.

⁶¹ В «Слове о житии»: «... да... ни ркутъ поганин: где есть бог их, на него же уповаша?» (ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 353—354); в «Летописной повести»: «... да не ркутъ невернии: где есть бог их?» (ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, Пгр., 1915, стр. 315).

⁶² Имеющиеся в «Слове о житии» сходные с паремийным чтением о Борисе и Глебе выражения объяснялись А. А. Шахматовым как попавшие в «Слово о житии» из предположенного им (ошибочно) первоначального варианта «Летописной повести» (А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище», стр. 119—120).

⁶³ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии...», стр. 75 и сл.

⁶⁴ Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. — Памятники древнерусской литературы, вып. 2. Пгр., 1916, стр. 117—120.

удольям кров течаху» (в паремийном чтении: «... за руки ся емлюще сецаху, и по удолием кровь тѣчаше»); «мнози... достовернии видяху аггелы... помогающа» (в паремийном чтении: «мнози вернии видяху ангелы помогающа...»); «блеснушася оружия» (в паремийном чтении: блистахуся оружия»); упоминание дождя и молнии в виде сравнения (в паремийном чтении: упоминание дождя и молнии как действительной непогоды, ссылака на бегство Мамая — Святополка).⁶⁵ Эти детали, совпадающие в «Слове о житии» и паремийном чтении о Борисе и Глебе, в «Летописной повести» о Куликовской битве отсутствуют.

К Повести об Александре, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, восходят в «Слове о житии» места, где рассказывается о том, как прославился великий князь за пределами своего государства: «... от восток и до запад хвално имя его; от моря и до моря, от рек до конца вселенныя превознесся честь его...» (ср. в Повести об Александре: «И нача слыти имя Александрово по всем странам, и до моря Хуожьскаго, и до гор Аравитьских, и об ону страну моря Варяжьскаго, и до самого Рима»); «И умножися слава имени его...» (ср. в Повести об Александре: об Александре говорят, что нет такого «ни в царех цесаря, ни в князех князя»); «многы страны ужасошася» при имени Дмитрия (в Повести об Александре: Александр — «грозный князь», «грозен... приход его»)⁶⁶.

В исторической части «Слова о житии» совпадающими с Повестью об Александре оказываются следующие выражения: «... лепо есть нам, братие, положити главы своя за правоверную веру крестьяньскую...», — обращается Дмитрий к своим князьям и вельможам; «... ныне приспе время положити главы своя за тя», — говорят «мужи» Александру перед битвой. Выражение «Слова о житии» «якоже прежде Моисии Амалика победив», по-видимому, также возникло под влиянием соответствующего места Повести об Александре. Александр обращается к богу и произносит: «Помози ми, господи, якоже древле Моисиеви на Амалика».

Переключку отдельных выражений «Слова о житии» с Повестью об Александре В. П. Адрианова-Перетц видит и в его последней части при изображении скорби по умершем князе: «солнце помрачается» (в Повести об Александре: «заиде солнце земли суждальской»); «земля трясаешася» (в Повести об Александре: «бысть же плач велии... якоже несть бывало, токмо земли трястися»); то был «день погибели» (в Повести об Александре: «... мнозии вопиаху... уже погыбаем»)⁶⁷.

К несомненным отголоскам «Летописной повести» в «Слове о житии» В. П. Адрианова-Перетц отнесла эпизод в начале похвалы Дмитрию Донскому, представляющий сокращение плача побежденного Мамая из

⁶⁵ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии...», стр. 77—78. — Чтение «Дон река... главы аки камень» ошибочно считалось А. А. Шахматовым (Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго..., стр. 120—121) принадлежащим старшему тексту «Летописной повести» о Куликовской битве (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 350—351).

⁶⁶ Цитаты из «Слова о житии» приводятся по Новгородской IV летописи, цитаты из Повести об Александре Невском — по изданию «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», где, по мнению Ю. К. Бегунова, сохранился текст, к которому была наиболее близка Повесть об Александре «свода 1448 года» (об этом Ю. К. Бегунов пишет в подготавливаемой им для печати статье «Житие Александра Невского в Новгородской литературе XV в.»). Напомним, что «Слово о житии» уже находилось в «своде 1448 года» и потому влияния редакции Повести об Александре Софийской I летописи (откуда приводятся цитаты в статье из ТОДРЛ, т. V), отличавшейся от редакции «свода 1448 года», на «Слово о житии» быть не могло: первая редакция Софийской I летописи датируется временем после 1448 и до 1462 г. (см.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов, стр. 213).

⁶⁷ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии...», стр. 77—78.

«Летописной повести», восходившей в свою очередь к апокрифическому «Слову на Рождество Христово о пришествии волхвов». ⁶⁸ Но А. В. Соловьев справедливо заметил, что этот эпизод «Слова о житии» в некоторых чтениях текстуально ближе к тексту самого «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов», чем к «Летописной повести», и что, по-видимому, автор «Слова о житии» непосредственно обращался к «Слову на Рождество Христово». ⁶⁹

Итак, «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Слово о житии» имеют целый ряд параллелей. И «Летописная повесть», и «Слово о житии» пользовались одними и теми же источниками — Летописным сводом 1409 г. (Троицкой летописью), Повестью об Александре Невском, паремийным чтением о Борисе и Глебе, «Словом на Рождество Христово о пришествии волхвов». ⁷⁰ Такое совпадение в выборе источников не могло быть случайным, о связи обоих произведений говорит особенно такой, казалось бы не имеющий непосредственного отношения к описанным событиям их источник, как «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов». Есть основания предполагать, что «Летописная повесть» о Куликовской битве действительно предшествовала «Слову о житии» и оказала на него влияние. Так, например, извлечение в «Слове о житии» из «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов» столь незначительно и к тому же настолько растворено в риторическом пассаже самого памятника, что узнать этот источник без указания «Летописной повести» практически невозможно. В то же время «Летописная повесть» о Куликовской битве извлекла из «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов», помимо интересующего нас отрывка, еще целый ряд значительных фрагментов, по которым этот источник узнается без труда. ⁷¹ И «Слово о житии», воспользовавшись указанием «Летописной повести», могло самостоятельно к нему обратиться. Кроме того, в «Летописной повести» несколько раз упоминается выражение «съветники». ⁷² В «Слове о житии», где речь идет о «наваживании» Мамаю на князя Дмитрия, наговорщиками также называются некие «лукавые съветники», «иже крестьяньскую веру дръжаху, а поганых дела творяху». Кто они такие — из контекста не ясно. Между тем в «Летописной повести» «съветники» Мамай — лица вполне определенные. Это князь литовский Ягайло, князь Олег Рязанский, которого за обманные действия по отношению к Дмитрию Донскому автор именует «лукавым сыном», «поборником бесерменским». Таким

⁶⁸ Там же, стр. 87—88. — Отголоски «Летописной повести» в «Слове о житии» В. П. Адрианова-Перетц находила и в описании Куликовской битвы. Однако, как уже говорилось выше (стр. 95), некоторые сходные чтения в рассказе о Куликовской битве появляются в «Летописной повести» лишь на поздних этапах ее истории.

⁶⁹ А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии...», стр. 101—102. Может быть, к «Слову на Рождество Христово о пришествии волхвов» восходит и чтение «Слова о житии»: «слыши небо, внуши земли! Како въспвшу ти...»; ср. «слыши небо и внуши земле! О земле, воспившая древяле за кровь Авеля» (И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890, стр. 163).

⁷⁰ Об источниках «Летописной повести» см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 364—369.

⁷¹ Сопоставление «Летописной повести» со «Словом на Рождество Христово о пришествии волхвов» сделано В. П. Адриановой-Перетц (см.: В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии...», стр. 87—88).

⁷² См.: 1) «...также с Мамаем вкупе... литовский Ягайло... с ними же в единчестве Олег Иванович, князь Рязанский; с всеми сими светники поиде на великого князя Дмитрия Ивановича...»; 2) Мамай «ожидаше своего нечестивого съветника (список А) литовскаго»; 3) «...рече Мамай: ... станемь у Дону противу князя Дмитрия, доколе приспее к нам съветник наш Ягайло...» (разрядка наша, — М. С.) (ПСРА, т. IV, ч. I, вып. 1, стр. 311, 314, 316—317).

образом, и этот пример, на наш взгляд, говорит за то, что к моменту сложения «Слова о житии» «Летописная повесть», по-видимому, уже существовала.

Итак, в результате сказанного с определенностью можно говорить об одном: связь между обоими памятниками несомненна. Поразительное сходство между целым рядом мест в «Слове о житии» и «Летописной повести» о Куликовской битве, описывающих одно и то же событие и имеющих героем одно и то же лицо, заимствования, сделанные авторами обоих произведений из одних и тех же источников и, что особенно важно, их одинаковая миграция в системе летописания — все это свидетельствует о том, что «Слово о житии» вышло из той же писательской «лаборатории», что и «Летописная повесть» о Куликовской битве. При этом мысль А. А. Шахматова о том, что «Летописная повесть» все же предшествовала «Слову о житии», кажется нам очень вероятной.

Но, если это так, то следует считать, что «Слово о житии» было сложено не ранее конца 40-х годов XV в., так как «Летописная повесть» о Куликовской битве, как показало исследование памятника, была создана в эти годы.⁷³ Заключает ли в себе «Слово о житии» данные такого рода, которые бы позволили отнести этот памятник, так же как и «Летописную повесть» о Куликовской битве, именно к 40-м годам XV в.? Напомним, какова была историческая обстановка на Руси в это время.

40-е годы XVI в. — это годы разразившейся в северо-восточной Руси феодальной войны, начавшейся еще в конце 30-х годов XV в. За великокняжеский престол боролись внук и сын Дмитрия Донского — Василий II и Юрий Дмитриевич. Свои притязания на престол последний основывал, опираясь главным образом на текст духовного завещания Дмитрия Донского, истолковывая его в свою пользу.⁷⁴ Спор был решен в пользу Василия II, но суд в Орде не прекратил усобицы. Столкновения продолжались. Василий II дважды терял Москву, дважды в ней водворялся Юрий. С 1434 г., со смертью Юрия, борьбу за великое княжение продолжил сын Юрия — Василий Косой, а затем его брат — Дмитрий Шемяка. Борьба с Шемякой, падающая в основном на вторую половину 40-х годов, носила особо острый и напряженный характер. Распри с Шемякой ослабляли силы для борьбы с внешней опасностью. Крайне сложна была международная обстановка. В борьбу вмешались татарские князья. Их участвовавшие набеги приводили к разграблению и опустошению русских земель. С Запада надвигалась литовская опасность. Папская курия сделала попытку подчинить русскую церковь своему влиянию, но натолкнулась на решительное сопротивление московского правительства: подписавший во Флоренции соборное решение о соединении церквей митрополит Исидор был низложен. Сторонники Василия II обвиняли Шемяку в том, что он во время пленения великого князя в 1445 г. вел переговоры с татарами о передаче ему великого княжения.⁷⁵ В 1446 г. Шемяка овладел Москвой. Захваченный им великий князь Василий II был ослеплен и вместе с женой сослан в Углич. Сюда же отправил Дмитрий Шемяка и малолетних сыновей Василия II, которых обманом он сумел вывезти из Муромы. Только в начале 1447 г. Василий II, поддерживаемый своими многочисленными сторонниками, вновь возвратился в Москву и сел на

⁷³ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 372—376.

⁷⁴ В Духовной грамоте Дмитрия Донского говорится следующее: «А по грехом отъимет бог сына моего, князя Василья (Дмитриевича), а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел...» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., стр. 35). Василий I во время написания завещания еще не был женат и не имел наследников.

⁷⁵ ПСРЛ, т. XXV, стр. 263.

великокняжеский стол. Шемяка некоторое время еще продолжал заводить крамолы, пытаясь возбудить нерасположение к Василию II, но его действия уже не могли поколебать крепнущую московскую великокняжескую власть.⁷⁶

Такова была обстановка в стране в 40-х годах XV в. Обратимся к памятнику.

В центре внимания «Слова о житии» — князь Дмитрий Донской. Если отвлечься от житийно-панегирической характеристики великого князя Дмитрия, тесно переплетающейся в «Слове о житии» с характеристикой его как правителя, перед нами предстает человек мужественный в бранях и умеющий разумно и с любовью управлять своими подданными. Дмитрий — внук князя Ивана Даниловича, «сѣбрателя Руской земли», после смерти брата Ивана остался «един в области великого княжения». Взяв «скипетр дрѣжавный земли Руския» в свои руки, Дмитрий «мужеством держаше» «стражбу земли Руской» «ратным... всегда в бранех страшен бываше». На борьбу с Мамаем он призывает всех «вельмож» своих и «вся князя Руския земля, суца под властию его», которые готовы жизнь свою положить и кровь свою пролить ради великого князя. Многие страны, прослышав о победах Дмитрия, «под ногу его поклонишася». «В области своей» великий князь Дмитрий «князя руския... крепляше», он «к свету правя подвластныя» и «всяко смятение мирское исправляше» и «раскольничи... и мятежничи царства его погибоша». Великий князь «отчину свою държаше лет 29 и 6 месяц, и многыи труды показа и победы по правоверной вере, яко никто же ин». К «вельможам своим» он был всегда «тих и уветлив в наряде», «никого не оскорбляше, но всех равно любляше».

В исторической части произведения привлекают к себе внимание отрывки, в одном из которых описывается раздел умирающим князем своей вотчины между сыновьями, в другом повествуется о последних наставлениях великого князя сыновьям и боярам. Эти места «Слова о житии», по-видимому, имели значение для современников, так как при сокращении памятника с переходом его из свода в свод они, как уже говорилось, обычно оставались нетронутыми переписчиками.⁷⁷

Первый отрывок безусловно имеет своим источником Духовное завещание Дмитрия Донского:

Духовная грамота
Дмитрия Донского⁷⁸

«Слово о житии»⁷⁹

А сына своего, князя Василья благословляю на старший путь... в городе и в стане моего удела двою жеребьев половина, а трем сыном моим половина, и в пошлинах городских половина.

А се даю сыну своему князю Василью... со всеми пошлинами... А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем.

А се даю сыну своему, князю Юрью, Звенигород со всеми волостми... и со всеми пошлинами... А сына своего

И призвав сына своего... князя Василья, старейшии путь предать в руке его, великое княжение, я же есть стол отца его и деда и прадеда с всеми пошлинами, и дал есть ему отчину свою Рускую землю. И раздавал же есть комуждо сыном своим, и города свои в отчину им предать по чьести, на чем им княжити и жити по жребью раздели им землю.

Второму сыну своему, князю Юрью, дал есть Звенигород с всеми волостьми и с всеми пошлинами, также и Галич,

⁷⁶ Там же, стр. 263—267. — Завершение феодальной войны наступило в 1453 г., со смертью Дмитрия Шемяки.

⁷⁷ Первый отрывок иногда распространялся за счет добавлений из Духовной грамоты Дмитрия Донского.

⁷⁸ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., стр. 33—34 (№ 12).

⁷⁹ Новгородская IV летопись: ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 357—358.

благословляю, князя Юрья, своего деда куплею, Галичем, со всеми волостми... и со всеми пошлинами.

А се даю сыну своему, князю Андрею, Можаск... А сына своего, князя Андрея, благословляю куплею же деда своего, Белым озером, со всеми волостми.

А се даю сыну своему, князю Петру, Дмитров, со всеми волостми... и со всеми пошлинами... А сына своего, князя Петра, благословляю куплею же своего деда, Угличем полем...

я же николи же бывало княжение Галичское с всеми волостми и с всеми пошлинами.

Третьему же сыну своему, князю Андрею, дал есть город Можаск, да другой город Белоозеро и с всеми пошлинами, се же Белоозеро неколи бывало княжение Белоозерское (в списке Н: белоозерское не бывало княжение николи же).

Четвертому же сыну своему, князю Петру, дал есть город Дмитров, с всеми волостми и с всеми пошлинами.

«Слово о житии», как видно из приведенных отрывков, довольно точно передает текст своего источника, поэтому обращает на себя внимание фраза «яже есть стол отца его и деда и прадеда» (выделена в тексте разрядкой), отсутствующая в Духовной грамоте. Так ли она случайна в произведении? Ведь именно ссылкой как на наследство, полученное отца и деда, отстоял в Орде Василий II свое право на великое княжение.⁸⁰

«Мир и любов межи собою имейте», — обращается великий князь Дмитрий к своим сыновьям. «Обяжите себе заповеди моя на шию свою и въскладите словеса моя в сердца ваше, аще ли не послушаете родители своих, помяните писаное: клятва отча дом раздруть и матерне въздыхание до конца искоренить. Аще ли послушаете, долголетни будете на земли, ... и умножится слава дому вашего, врази ваши падуть под ногами вашими, инопленици побегнуть от лица вашего и обличится земли вашей тягота, и умножатся нивы ваша обильем... Все творите повеленьем родителя своего».⁸¹ Случайно ли автор «Слова о житии» вложил в уста своего героя такие слова?

В действительности, умирая, Дмитрий, конечно, мог дать напутствие своим сыновьям, но вряд ли сделал он это в такой форме, в какой предлагает нам его автор «Слова о житии». В словах, произносимых князем, чувствуется подтекст, как-будто какие-то распри должны были произойти.

И не потому ли автору «Слова о житии» понадобилось приписывать эти слова о необходимости мира и любви Дмитрию Донскому, чтобы напомнить о том, что «клятва отча» была-таки нарушена, «дом» разрушен, «нивы» опустошены, а «инопленици» и «врази» по-прежнему беспокоили Русь.

Все только что сказанное и дальнейшие наблюдения над текстом «Слова о житии» убеждают нас, что «Слово о житии» и «Летописная повесть» о Куликовской битве — произведения одного и того же времени. Оба произведения укладываются в одно русло, поднимая круг одних и тех же вопросов и тем — о борьбе с внешними врагами Русской земли

⁸⁰ Московский летописный свод под 1432 г.: «Князь великий по отечеству и по дедьству (разрядка наша, — М. С.) искаше стола своего, князь же Юрьи летописци старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитрея. — ПСРЛ, т. XXV, стр. 249. Интересы Василия II в Орде, за малолетством великого князя, отстаивал его боярин Иван Всеволожский (см.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, М.—Л., 1948, стр. 104).

⁸¹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 357.

и о борьбе с опасностью изнутри. Но если «Летописная повесть» выступала в защиту объединения русских сил главным образом против опасности внешней — против нашествия татар и Литвы, «Слово о житии» должно было обратить внимание читателей на угрозу бедствия внутри страны.

В «Слове о житии», в напутствии Дмитрия Донского сыновьям, имеется такая фраза: «... бояре своя любите, честь им достойную въздавающеи противу служения их, без воля их ничто же творите». С длинной речью обращается князь Дмитрий к своим боярам: Вы «ведаете обычай мой и нрав, пред вами родихся и при вас възрастох, с вами царствовал и землю Русскую держак... и мужествовах с вами на многы страны, и противным страшен бых в бранех, и поганыя низложих божиею помощью, враги покорих, княжение укрепих и мир и тишину земли створих, отчину свою с вами съблюдох еже ми предал бог и родители мои; к вам чест и любовь имех, под вами град дръжах и волости великиа, и чада ваша любих, и никому же не сътворих зла, ни силно что отъях, ни досадих, ни укорих, ни разграбих, ни бециньствовах, но всех любих и всех в чести дръжах, и веселихся с вами, с вами же и оскорбих, вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моеи; ныне же помяните словеса своя, еже рекосте ко мне в время свое: дльжни есми тебе служа и детем твоим главы своя положити. Укрепите истинною, послужите княгини моеи и чадом моим от всего сердца своего; в время радости повеселитесь с ними, в время скорби не оставите их. Бог же мира да будет с вами».⁸²

По поводу этой речи князя Дмитрия к боярам В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Подчеркивание уважительного отношения к боярам-князьям великого князя является, быть может, отголоском обострившейся борьбу объединительных тенденций московских великих князей с притязаниями старой феодальной знати», которая «усилилась в 1432 г. и закончилась в 1453 г.». В слова Дмитрия, обращенные к наследникам, «без воли» бояр «ничто же творите» «вложена защита старых феодальных прав», «авторитетом победителя Мамаея прикрывается здесь защита старого порядка».⁸³

А. В. Соловьев, возражая В. П. Адриановой-Перетц, заметил, что идеология «Слова о житии» не может рассматриваться как выражение феодальных притязаний боярства в усобице 1432—1453 гг. по той причине, что позиция московского боярства в феодальной войне 30—40-х годов «не была однородной: верхушка его примкнула к удельно-княжескому блоку, но часть служилого боярства... поддерживала великого князя Василия II».⁸⁴

Нам представляется, что В. П. Адрианова-Перетц была права, отмечая в данном отрывке «пробоярскую» направленность, но и прав возражающий ей А. В. Соловьев, отмечающий возможность рассматривать идеологию «Слова о житии» как выражение феодальных притязаний боярства. Раздробленность среди московского боярства во время феодальной войны второй четверти XV в. в большой степени влияла на ее ход. Верхушка боярства вступала в связь с удельнокняжеской оппозицией. Так, изменил Василию II и бежал в Тверь, к сопернику великого князя, его боярин Иван Всеволожский, совсем недавно еще с блеском отстоявший в Орде для Василия II великокняжеский титул. Несколько позже видим его уже у врага Василия II — Юрия Дмитриевича, подгова-

⁸² ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 357.

⁸³ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии...», стр. 91—92.

⁸⁴ А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии...», стр. 87.

ривающего последнего «на великое княжение».⁸⁵ После битвы 1445 г. под Суздалем многие московские феодалы, в том числе бояре, недовольные протатарской, по их мнению, политикой Василия II, переходили на сторону Дмитрия Шемяки.⁸⁶ И в то же время для Василия II явилась неоценимой та помощь, которую оказали ему его приверженцы, в том числе и бояре, в период его заточения в Угличе, а потом при освобождении Москвы. Так, боярин Василия II Федор Басенок, отказавшись от служения Шемяке, бежал в Литву и оттуда развернул усиленную борьбу против Дмитрия Шемяки.⁸⁷ Известны имена бояр Ивана Ощеры, Юшко Драницы, Семена Филимонова, Русалки, Руно и «иных детей боярских», участвовавших в заговоре с целью освобождения Василия II из заточения. Верным слугой великого князя оказался и боярин Михаил Плещеев, помогший Василию II в 1446 г. в овладении Москвой.

«Пробоярскую» направленность разбираемого отрывка «Слова о житии», как нам представляется, надо воспринимать не как «политическую тенденцию, состоящую в защите притязаний старой феодальной знати», а скорее всего как обращение в трудные минуты жизни за поддержкой. В критическом положении, в котором находился во второй половине 40-х годов Василий II, желание привлечь к себе боярскую группировку было естественно. Именно потому в речи Дмитрия так подчеркивается любовное отношение его к боярам: «Вы же не нарекоетесь у меня бояре, но князи земли моей». И в надежде получить за свою постоянную доброту к ним отплату, он просит своих бояр «послужить» его «княгине и чадом» и, что как нельзя более соответствовало моменту, когда писалось произведение, просит «во время скорби» не оставить их. «Ныне, — напоминает он им, — помяните словеса своя, еже рекосте ко мне во время свое: дължни есми тебе служа и детям твоим главы своя положити». Детей же своих он просит бояр «любить, честь им достойную воздавать», «противу служения их, без воли их ничего не творить».

«Ты же столп нечестья раздрушил еси в Руской земли и не примеси себе к безумным странам на христианскую погибель», — обращается к князю Дмитрию в конце похвалы автор «Слова о житии». Что имел он в виду, говоря о «столпе нечестья», якобы разрушенном Дмитрием, не вполне ясно,⁸⁸ но к Василию II это обращение имело отношение самое

⁸⁵ ПСРЛ, т. XXVII, стр. 103—104.

⁸⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма, ч. II, стр. 263.

⁸⁷ ПСРЛ, т. XXV, стр. 266; см.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в., стр. 162.

⁸⁸ В конце XIV в. вопрос об унии между греческой и римской церковью поднимался. Правда, это было уже не при Дмитрии Донском, а в 90-х годах XIV в., вскоре после его смерти. Великий князь литовский Ягайло, став в 1386 г. польским королем и мечтая соединить православное население Литвы с католическим населением Литвы и Польши в церковный союз посредством унии с папой, обратился к константинопольскому патриарху о созвании собора для устройства соединения церквей (Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, М., 1900, стр. 338). В этом его поддерживал московский митрополит (с 1390 г.) Киприан, ранее поставленный на митрополию в Киеве (бывшем под властью Литвы) (там же). Известно отношение к Киприану Дмитрия Донского, который после смерти митрополита Алексея не хотел принимать этого ставленника греческой церкви и несколько раз отказывался от его кандидатуры. Может быть, в своем желании упомянуть о событиях, несомненно важных в политической и церковной жизни Руси 40-х годов — действиях Василия II и русской церкви по отношению к подписавшему флорентийскую унию митрополиту Исидору, — автор «Слова о житии», подразумевая под «столпом нечестья» тот стговор, который существовал в конце XIV в. об унии с римской церковью, сознательно, за давностью лет, приписал его «раздрушение» Дмитрию Донскому: тот, с чьим именем в 90-х годах XIV в. был связан этот стговор — митрополит Киприан — был в 80-х годах выдворен Дмитрием Донским из пределов Московской Руси.

прямое. Отказ Василия II и русской церкви признать Флорентийскую унию означал провал политики западноевропейских католических государств — включить Русское государство в сферу своего влияния.

Как нам представляется, отголосок событий 40-х годов XV в. прослеживается и на ряде других деталей «Слова о житии». Так, не случайно, думается, только в двух случаях из трех в нем упомянуты города, названные Дмитрием Донским в «духовной» «куплями деда». Своего сына Юрия Дмитрий в Духовной грамоте благословляет Галичем, Галич имеется и в «Слове о житии»; сына Андрея — Белым озером, городом, который в «Слове о житии» также упомянут. Но Угличе поле (т. е. Углич), которым Дмитрий Донской благословил сына своего Петра, в «Слове о житии» отсутствует. Петр, согласно «духовной», получает лишь московский удел Дмитров. Между тем в 30-е и особенно в 40-е годы XV в. в политической жизни страны Углич сыграл свою роль. Пожалованный в 1434 г. Василием II Дмитрию Шемяке,⁸⁹ он с той поры становится местом, с которым у великого князя Василия II было связано немало черных дней. Враждая с Шемякой, Василий II не раз прибирал Углич к рукам, но Шемяка опять возвращался сюда. Особо трагичные дни, связанные для Василия II с Угличем, падают на годы после проигранной им в 1445 г. битвы с татарами. В Угличе договаривался Дмитрий Шемяка с татарами о передаче ему великого княжения.⁹⁰ Боясь отщепенца возвратившегося в Москву великого князя, Шемяка в Угличе собрал своих вооруженных сторонников, и тогда, по выражению историка г. Углича, «Углич сделался как бы второй столицей России».⁹¹ Сюда, в Углич, в 1446 г. был сослан ослепленный Шемякой великий князь Василий II вместе с женой и детьми.

Может быть, сложная судьба Углича в 30—40-х годах привела к тому, что автор «Слова о житии» не воспринимал его как часть владений Дмитровского князя Петра. Возможно и другое: Углич не был назван как удел Петра, так как Василий II сам передал его Шемяке.⁹²

Итак, в «Слове о житии», как это было и в «Летописной повести» о Куликовской битве, мы можем предполагать некий подтекст: Дмитрий Донской, видимо, и в «Слове о житии» ассоциировался в глазах современников с Василием II.⁹³ В ситуации, возникшей в 40-х годах XV в., обращенные к Дмитрию Донскому слова «Умоли убо, святе, непрестанно о роде своем и за вся люди, сущая в области царства твоего», думается, звучали достаточно выразительно.

⁸⁹ См.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, стр. 117.

⁹⁰ ПСРЛ, т. VIII, стр. 113.

⁹¹ Ф. Киссель. История города Углича. Ярославль, 1844, стр. 160.

⁹² В «Слове о житии» упоминание о наделении Дмитрием Донским сына Юрия Галичем — князю Юрию дал также и Галич — сопровождается авторским замечанием «яже николи же бывало княжение Галичское» (Новгородская IV летопись; в списке *Н* первой редакции этой летописи «яже николи не бывало княжение Галичское»). При упоминании о наделении Андрея Дмитриевича городом Белоозеро замечено: «се же Белоозеро неколи бывало княжение Белоозерское» (Новгородская IV летопись; в списке *Н* первой редакции этой летописи: «белоозерское не бывало княжение николи же»). Это подчеркивание роли Галича и Белоозера имело, по-видимому, определенное значение в обстановке междоусобной борьбы середины XV в. Особенно это относится к Галичу — удельному княжеству, на которое опирался главный противник Василия II — Дмитрий Шемяка.

⁹³ Можно было бы предположить, что «Слово о житии» отражает борьбу 40-х годов не с точки зрения Василия II, а с точки зрения Дмитрия Шемяки (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 376), но в этом случае в «Слове о житии» вряд ли была бы употреблена формула «стол отца его и деда и прадеда».

«Летописная повесть» о Куликовской битве возникла, как представляется, после 1445 г., в наиболее напряженный момент борьбы Василия II с Дмитрием Шемякой.⁹⁴ «Слово о житии» было создано в то же время или, как предполагалось выше, в годы, непосредственно следующие за временем создания «Летописной повести».

Автор «Слова о житии» ставил перед собой определенную публицистическую задачу — в форме рассказа о деде Василия II прославить его внука, своего современника.

Для того чтобы осуществить порядок в стране и быть готовым к борьбе с внешними врагами, со стороны великокняжеской власти необходимы были разумные и смелые действия. Потому-то автор «Слова о житии» и изобразил Дмитрия Донского «мужеством» держащего «стражбу Русской земли», крепившего «князя руския в области своей», «всяко смятение мирское» исправлявшего. Только поэтому великий князь Дмитрий мог сказать, что он свое «княжение укрепих и мир и тишину земли створих» и все «расколници и мятежници» в его «царстве» «погибоша». «Цари и князи — научитесь тако творити» — ставит в пример Дмитрия автор «Слова о житии». В произведении Дмитрий Донской именуется «великим царем», «господарем всей земли Руской».

Так «Слово о житии» подобно «Летописной повести» становится понятным в обстановке исторических событий 40-х годов XV в. Дед обоих соперников — Василия II и Дмитрия Шемяки — был той политической фигурой, к которой естественно было обратиться в ходе ожесточенной борьбы за великокняжеский стол.

⁹⁴ М. А. Салмина, «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 375.